

18+

Velikaya Lives Lui Braun
Хаменереум — собака в чокере
Karpe

Опера

Velikaya Lives Lui Braun

Хаменереум – собака в чокере Карпе. Опера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70541542

ISBN 9785006272385

Аннотация

Мои сны непросты, В них листая листы тайных книжек, Третьим глазом слежу за развитием скрытых интрижек, Сказкой сон, полусон, дрёма, Потеря сознания, кома... Заглядываю в мысли, читаю истории жизней.

Содержание

Хаменереум – собака в чокере Карре	5
Авторское вступление – Игольница	7
Акт 1. Первая иголка	12
Акт 2. Украденный хлеб	22
Акт 3. Касли – Игла, пронзившая яйцо	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Хаменереум – собака в чокере Карре Опера

Velikaya Lives Lui Braun

Фотограф Velikaya Lives Lui Braun

© Velikaya Lives Lui Braun, 2024

© Velikaya Lives Lui Braun, фотографии, 2024

ISBN 978-5-0062-7238-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Хаменереум – собака в чокере Карре

**Начало работы над произведением – сентябрь
2022 г.**

Velikaya Lives Lui Braun

Авторское вступление – Игольница

Игольница эксклюзивная, уникальная, бережная,
Выполнена вручную,
На сотни тысяч миль попробуй отыскать ещё одну такую.
Похожа на блокнот, пошитый в редком ретростиле,
Брошюрована книжка текстильная,
Закрывает створки на завязки шебби-лент,
Умело вписан гобелен в картонные листы,
Страницы книги непросты!
Неповторима, в штучном экземпляре,
Хранится бережно в изысканном футляре.

Футляр, словно шпигель, зеркальный,
Всё, что к нему приближается, причудливо искажается,
В преломлении света содержание книги несётся кометой
Через узкий портал Козыревых зеркал, смотришь
в калейдоскоп,
Вращающий скрижаль гороскопа во времени,
Искривленьем, дроблением...
Текут месяца в нём, годы,
Без выхода и входа,
В каждом мгновенье ты пленник и ты же – свобода!

Чисто в логосе мироздания,
Прошрое, настоящее, будущее заключены в одном
сечении,

И день текущий твой
Определит вращение оптической игрушки,
Узор стеклянных побрякушек, поймает свет.
Он многогранно отразится мозаикой радужной картины,
Закрутит мандала в спираль причудливые палантины,
И ни один не повторится ажур.
Исчезнет, трещиной кракле умчится в Лету
Прожитой жизни драгоценный день,
Коллекцию ларца пополнит самоцветом,
Всё переплавится горячей обработкой,
И, снова обретая жизнь, другой картины всплески
Завертятся на лучезарной фреске.

И каждый, кто бы ни читал
Сквозь призму оптики написанный роман,
Сам проживает образы всех сколок,
Спрятанных в книгу колких иголок,
В раздумьях над смыслом мечется,
Размываются мысли, идут в рассужденье об истинах
жизни,
О смысле и о бессмыслии оной,
И, очищая сознание словом,
Магической кодой, особо толковой душою своею
лечится.

Каждый попробует сам из разбившихся жизненных дней,
Как из кусочков цветного стекла в отражение зеркал,
Сгенерировать свой шебеке-фрактал,
В витраже которого

Дисперсией граней стекла засияет лучами судьба,
Покажется знакомый глазу узор, не повторившийся ни
разу.

Мозаикина игра теней и света,
Мир ярких красок, всплеск воображения,
Где каждый новый слайд, идущий в бесконечность,
Свою историю создания имеет
И сидит **ВОРОЖЕЯ!**

Свободу фантазий магической сути
Сплетением дорог на перепутьях,
Сложившихся так умело в калейдоскоп событий,
Таинственные стекла ткёт, словно цветные нити,
При повороте трубки в рулон закрутит глиттер,
Калейдоскоп – узорник-озорник,
Творитель-стеклодув, работа и искусство,
Волшебник! Он поймал стекло горячее в тиски,
В цилиндре спрятаны осколки плавленного солнца
И его обломочки.

...На страницах книги живут куклы, это их дом,
В кукольной жизни всё своим чередом.
Будуарные, шарнирные, чердачные, интерьерные...
Они сами соткали холстины,
На стены повесив картины в рамах.
Есть куклы в носочках и тёплых пижамах,
А те, что в портрете,
Надели костюмы, застыли в дворцовом багете.
Куклам наряды нужны
С элементами вышивки, хлопковых кружев,

Карт декупажных, пуговиц винтажных...

В костюмах куклы важны, солидны,

И по одежке сразу видны их чины.

Достигших блеска, стиля ШИК

Встречают по наряду их величины.

С виду обычная книжка, декорирована умело,

Но стоит открыть обложку,

И на странице белой иголки запляшут смело.

Эти иголки портная собрала, развольтовав свой вольт,

С каждой снятой иголки считана роль,

Все иголочки ею словарно прошиты в подборке

На магической отговорке,

Как стрелы в колчане, сложила иглы в кожах,

Он весь исколотый до дыр, иголками исхожен,

Но свиток слов закручен ловко в стих,

Иголкам не даёт нарушить коду,

Сей заговор, забравший их свободу,

Чтоб ни одна иголка не сбежала,

А спокойно в коробке книжной лежала

Ухом к уху, жалом к жалу,

Игла иглу не ужалит.

Эпиграф

Собирательный образ суки

Может многих выбить из сил,

Опустит слишком жадные руки,

Будто их ген чумы укусил.

Почерневшие пальцы расшатанного мотора

Дадут последний сбой...

*(Печально, если кто-то суку сумел сравнить
с собой.)*

Сама покатится машина под гору

Знакомой дорогой к родному забору...

*Легко, как легко под уклоном подгорным бежит
времечко.*

Годами по темечку, в родничок...

Снятой флешечки мозжечок,

Обнуляясь, почистит вирус,

Перестанет коптить гарью тлеющий примус

И шагнёт в новый день, своим помыслом чистый,

Светлой души ПИЛИГРИМ!

Акт 1. Первая иголка

Лежу на земле, родимом одре,
Мгла во тьме, тьма во мгле...
Всё во мне перемешалось потом,
Холод прошёл хребтом,
Сковал гортань, морозных игл – ком,
Немая рыба ртом в прикус распухших губ
Между реальностью и сном
Вошла в открытый клуб,
Походкой от бедра хвоста вильнул волан,
Могло казаться всем, что рыба в зал вплыла.
Тянулся шлейф-коса, сплетённый из прядей,
Во весь хребет и даже вслед за ней по красному ковру,
Как будто рассекал плавник хвоста волну.
Ходила ходуном плетёная коса,
Волосок к волоску, колосок к колоску...
Шелковистые нити – леска рыбаку,
Поймавшему рыбку в снесь,
Или сам угодивший в русалкину сеть.

Зал замер!
Включился тумблер рампы,
На сцене под прицелом кинокамер разведены кулисы,
Аплодисментов шквал, встречающих актрису.
Рыба золотая
Искрилась под лучом алмазного софита,

Мерцала чешуёй, пайеткою расшитой,
Свисали нити бусин, стекляруса кайма,
Возвышенна искусством,
Она «несла» людям несъедобные яства на блюде.
Выпуклыми глазами с прицелом крапа мух
Через мишень смотрела в зал, читала мысли вслух.
Смотрите по губам, листайте вехи,
Вий, у хирурга подтянувший веки,
Взглянул фасеточными зеницами
Туда, где между границами,
Сверкая зарницами смерти и яви,
Тени заблудших гуляли...
С каждого ока, глазницы, зрачка
Петлёю, соскользнувшей с крючка,
Слетала стрелочка.
На спущенной петле сползла распушенная нить,
Стремительной стрелой пошла блудить...
Шальная рыба-лучепёрка заиграла,
Движение в движенье протекало,
И грудь, и бедра пишут круг,
За разом раз плескают брызги вкруг, идёт муарная волна,
Так, словно воду беребя, широкий гребень чешет волос,
И море стонет, плачет в голос, ревёт...
Русалка, в сеть свою зовёт и манит,
Дурман плывёт, туманит разум путников клубами,

Обилием дисперсий чешуи,
Гибка, извилиста, пластичная в хребте,
Корсет с глубоким декольте удерживает груди в тесноте.

Двустворчатый моллюск,
Сверкнувший перламутром в темноте,
Покорно служит красоте,
Русалке он прилёг на приподнятый бюст,
Хитон раскрыт,
Под характерный хруст прильнула устрица к груди,
Молочный блеск пролил моллюск сквозь панциря
улыбку,
Гранёный жемчуг заискрился между уст,
Так, словно проверял его на вкус моллюск давно
И сплевывал в межгрудную ложбинку бурмицкое зерно.
Поток молока с губ,
Тумана река вдруг потекла маревом в клуб.
И рыба, легка, нырнула в эти облака
Всем телом —
И спиной, и брюшком, грудным отсеком, плавником...
След замечает,
Так по снегу лиса метёт своим хвостом – виляет.

Её наряд пошит не с ткани, не вытканый ажурной
сканью,
Не нить золотая по канве, не кордовый ажур на рукаве
И не гипюр в купонный ряд,
Отбитый бисерною сколкой мерцающих плеяд...
Так нарядил её поэт, она – создание пера,
Изысканны нашлись у мастера слова,
Он буквы из своей горсти умеет в рифму заплести,
Достать у многих старые скелеты,
Их оживить, им кости потрясти.

И рыба телом поплыла
Из точек, букв, дефисов, скобок,
Слияний знаков, слова пробы...
В страницах книги – ожила!
Смотрите и дивитесь рыбе все,
Во всей своей красе она открыла рот немой,
Поднялись жабры, выгнулись дугой,
Под странный рыбий стих охвачен зал волной,
Неслышимое слово страшно, опасен многим этот бум...
Тихим смешком, прибауткой, под плач сирены – гул,
Завыли разом все гиены, подземный поднимался шум...
Растерянно притихший зал,
Попавши в гипнотический капкан,
Развесив уши, слушал, как изливала рыба душу им.

Пластичны тени пантомим свои играли тайно роли,
Темнели занавесы плюша, поскрипывали старые
консоли...
Чернеющий портал, раскрывший бездны вход,
Воронкой затянувший жизни дни,
Своим по благу раздавал займы рубли, напоминая им:
– Смотри, отдашь вдвойне, смелей бери! —
Лишь нереально блещет под софитом
Наряд русалки, блёстками расшитый.
Его снимает по нити, с руки кидая жадным чешую,
На буквы разобрав, тире и точки...
Пожалуйста, берите, даром дарю!

Проектор высветил на стену экран кино,

Бобины потянули ленту, немое слово ожило
Музыкой, титрами, стрёкотом,
Между субтитрами, с хохотом...
При зажжённых свечах,
Бежали руки по клавишам, простой играли наигрыш.
Ноты с пюпитра стыли на пальцах и чуть дыша,
Можно сказать, на ладан,
Степовый бег набирали чёрно-белые кадры.

Старый клавесин стоял за шторой бархатной в углу,
Десна, побитая пульпитом,
Зубами щёлкала чернила на пюпитре в нотном стане
От древности до наших дней,
Подержанный клавир лил сажу устами музыки,
Понятой языками – всем:

– Перо, зажатое в тесьму, легло в расколы шва,
Сдержанное боа распустилось потом,
Лёгким пухом пошли облака, пером Моа
Усыпали к празднику «пряничный дом»...
В метельный забег замело на порог снег.

«Сахарный крендель» лил рождественский смех
на крыльцо,
Сука резвилась, ловила пастью снег, падающий в лицо,
Ликовала, озорница.
На коротком поводке хозяин укротил блудницу...
На крыльца границе
До свиного пятака, чертыхаясь слегка,

До вспыхнувшей в небе звезды, до утреннего крика
петуха

Сука кусала снег...

Снежинки, упавшие в мех,

Шестеричными гранями цеплялись ей в шкуру,

И пустолайка, как дура, прикусывала зубами

Снег, сбившийся колтунами.

Как те, кто грызут ногти,

Кто жадно кусает локти, покрытые псориазом.

Чума в этот год особо щедра,

Она к Рождеству раздала заразу!

Ряженные-напомаженные колядовщики

Пшено сеяли-посевали... бояр веселили,

Пели, плясали, вверх ногами ходили:

– Коля – Кол – Коляда... Коля – Кол – Коляда...

Дорожные тропы нитями смотались в клубки,

Клубки стали снежками,

Колядовщики шли, их в ворота бросали,

В снег упали монеты... барин кинул сплеча.

Недосказанные куплеты, повторяясь стихами,

В мешок горячими пирогами пали,

Замелькали ухваты,

Хозяева руками кухарок

Наглых незваных гостей гоняли,

Рогатиной метились к шее,

Шла охота на «котелок»,

Снять хотели, поставить в печь,

Запекая, хоть что-то извлечь из начинки...

Хороши, безумно красивы, прекрасны...

И вместе с тем контрастно ужасны рождественские картинки.

Нанизался бисер на ветки ёлок,

На каждой иголке стеклянный осколок хрустально звенит,

Морожен январский день,

Солнце идёт к закату, покидает зенит.

Надвигается ночь, рождественская, тёмная...

Упали к ногам котлеты....

Ряженные несли снедь,

Среди конфет гремела медь,

Звенели звонко на дне мешковины монеты...

Кто-то открыл дверь рублёвого входа,

Портал перехода включил табло выхода,

Обозначив смету приумноженного рубля.

Оно гласило суворовским аквариумом:

«Вход – рубль, а выход – два!»

В день открытых настежь дверей

Тени ходили вперёд людей,

За теньями человеки поспевали едва,

Торопилась нога встать

На собственную теневую печать.

Осторожно, бухгалтер спёр кубик от плитки,

В кармане «Аленки», прикрыты клеёнкой золотистые слитки,

Шелестящий фантик спрятан в кушон,

На спиральной слинке, скрученной с ниток, застыл
кабошон.

Рождественскими днями
Чума раздаёт подарки по мешкам,
По смешкам, по рыбьим стишкам...
Выпуклыми глазами смотрела рыба в зал,
Гадала по глазам немая рыба вслух,
В ухмылке острых зуб,
Читайте по губам, смотрите между губ,
Немой ловите звук, умейте слушать.
Степным прострелом кровь ударит в уши,
Прицепится швензой к изогнутой ракушке
Жучок из прослушки, раскроет тайны вам
О том, как Маргарита по ночам,
Приняв пурпурного шато,
Разбила в гнев свой бокал в осколки,
Декантер пуст,
Призывное кричала слово колко...
Кололась гневом первая стеклянная иголка.
Всю ночь фальшивых нот наполнен рот,
До крика петуха – на срыв поёт,
Так, словно полон зоб стекла,
Горло першит,
Одинокое соло в грубый вокал петухов смешит.
Был голос сух, как красное разлитое бордо,
Пролившееся в руки ей из купажа лозы мерло.

Стремясь разрушить брачное гнездо

Влюблённых чёрных птиц,
Она не побоялась зла шипиц,
Откинув прочь с плечей пальто, нагая, на метле
В рождественский квартал,
Где дом под номером 11 стоял, влетела,
Георгиевский кот пришёл в Илори для ночного дела...
Копытом бил Олег, и на глазах у всех
Хрустальное платье невесты погасло плафоном люстры,
Ранделью стеклянной посыпались бусы,
Порвались в иголках сломанных нити,
Напрасно, поймите, горели в канон поминальные свечи.
(Я ПОГАСИЛА ИХ В ТОТ ВЕЧЕР!)
Распятые взвалили ребёнка на плечи,
Забившая гвозди в него, смеясь втихомолку,
Обезумев, сходила с ума,
Пожелавшая смерти ребёнку сука-чума,
Казалось ей по собственному слабоумию,
Из живой души создав мумию,
Она вершит правосудие!
На рождение, на Рождество,
Святым 7-м числом да под 7-е число была заказана
смерть!
Теперь раскидает небо на всех
Снятые стразы с платья невесты,
Летающие снежком под звонкий сучий смех.
«По-братски» разольёт Грааль на землю кровь,
Хлебай – не испить,
Карре идёт косою на всех больных чумой,
Косить так косить!

Акт 2. Украденный хлеб

Промозгла я, дрожу...

Яма тесна, приготовлена мне, глубиною с межу,
Межевали... делили лентяи украдкой на всех
Заработанный честно мой вкусный хлеб.

Моя мука – мука́,

Тальк падал в руки, припудрив слегка

Лаваш в облаках мутной луны,

Слепой – близорукой, пекущей от скуки блины...

Поминки скромны, в час тишины стынут реки Леты,

Песни отпеты, ночи тихи... гаснут самоцветы...

Смежевала веки в кои веки...

Но, всем вопреки, мой велел голос!

Гребень широкий пошёл от руки, чесал грубо волос,

Словно сбив колос соломы,

Крабом норд-ост

На макушке туго увязывал хвост,

И вместо зёрен трубчатый ост, осыпав пшено, встал
снопом,

А потом... в стогу искали иголку,

Где вместо шипицы язвительно колкой

Сыпались после игр сломанные по ушко

Наконечники швейных игл,

Ножницы портного притягивали осколки,

Кашлатился волос на зубьях расчёски,

Выдерживался с корнями,
Но всё ж уложился
Струящимися прядями в странной причёске,
Краб зажимом сцепил все прочёски,
Полился волос каскадом,
Падал с затылка на плечи искрящимся водопадом,
Застыл на природной подушке-полянке,
Серых дней будни дырками в ушках,
Как слёзы похмелья, просочились,
Выпав с подушки, собрались в горсти.
Нравится или нет,
Придётся незванным гостям потрясти иголки,
Глядя в осколки зеркал,
Видеть тех, кто с чумою Карре, подружившись, играл.

Акт 3. Касли – Игла, пронзившая яйцо

Рождественскими днями

Чума раздаёт подарки по мешкам,

По смешкам, по рыбьим стишкам...

Выпуклыми глазами смотрела рыба в зал,

Гадала по глазам немая рыба вслух,

Читайте по губам, смотрите между губ, немой ловите
звук!

Нага... раздели донага,

До последней исподней рубашки – тела,

Вперёд ногами я сама легла, жить больше не хотела,

Мысленно отделяла душу от тела.

Руки сцепила, пальцы скрепила в захват на груди,

Вся на замок – не подходи.

Формулировки пусты, по-детски чисты, я не я,

Ругали, браня – окаянная...

Не дождались от меня покаяния.

Мир замер!

Игла, пронзившая яйцо, прошла насквозь,

Как шар земной пронизывает ось,

Когда пилон уткнётся в ось.

И понеслось....

Игла тянула трос, как нить, по тросу фала шёл флагшток,
Менялся цвет у кумача, и, испытавши шок,
Падением знамён в конце времён,
В самый тёмный час, за которым идёт рассвет,
Посмотрел на меня мрачный сон,
Пряча голову в балахон,
Не видать овала лица – чёрный кабошон впился
в капюшон.
Сверлит пристально взгляд охотника до души,
И кругом никого нет в этой глуши,
Только слышу в тиши:
– Не грехи моя дочь, не грехи...

Шевелятся губы, еле-еле душа дрожит в теле,
Сквозь жемчужные зубы слова полетели грубы,
В небесные трубы выдавливаю звук,
Сердце стучится: тук...
В небо смотрю – ни звезды, темно, синяя ночь,
Облака чёрным дымом, кучевые накаты,
Войско блох летит прочь, мчится мимо... куда-то,
Бог с цепи спустил его на врага моего,
Взять меня он не смог, не по Сеньке ярмо.
Било в спину жестоко враньё,
Язык клеветника, Егоркино копьё – дробница,
Подорожник в ногах межи
У гробницы моей сорванным лежит,
Да кто-то молится в рубцовой горнице.

Темень, темно... глаза выколи,

Зеницы зорца душником тыкали,
Перемазали порчей лицо – сажей газовой:
– Не рассказывай людям снов, не рассказывай, —
Всё кругом завывало-заплакало,
Когда меня, оплаканную, небо отплакивало.
Лучевое плесе зрачка
Распахнуло юбку по кругу,
Спицами в колесе покатилося по лугу,
Сечением полос,
Небо разлилось цветовыми спектрами света,
Вертелась Авророй глазная комета,
В спираль Андромеды скрутил серпантин лучи,
Многослойный поток Фибоначчи
Сиянием спрайтов в ночи окрашивал чёрные тучи.

Прицельно глаз замер, в зрачке сверкнул сканер,
Лазера тонкая нить стала сквозь линзу за всеми следить.
Загорелось солнце, жгло, выжигало нутро,
По сплетению нило, жаром палило,
Больно...
Полеми бы, полеми бы соскочить, побежать...
Да вынужден лежать...
В душу забивший гвозди
Молот стучит и стучит по шляпкам осенью поздней,
Крупными каплями
Дождики нитями плакали, искали иголок ушки,
Петли-прослушки...
Заглушки... затычки... в спину тычки...
На ресницах швеи дрожали слёзы,

Последние грозы ледяными камнями шли,
Вечером поздним собирала в ладошки, сливала
в лукошко их,
Буквы сами ложились в стих.

Там между строчек, скатавшись в комочек,
Души остывшей коснулся снег,
Под суки заливистый смех
С вращающейся оси шнековой мясорубки слетела ручка,
Силой откручен крепёжный ключик функционального
блока,
Между рёбер спины уселась грудная жаба,
Постучалась внутрь деревянную ручкой КАСЛИ
обрюзгшая баба,
Стало плохо...
С трудом забивались гвозди позвоночного тока,
Рублёвые куски шли по шнеку до ужаса плохо,
До последнего вздоха смотрели в затылок глаза,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.